

— У-у-у... — Цзи Минчжао, вернувшись в свою комнату, ухватила за край стола и, обхватив горло, принялась исторгать из себя всё содержимое желудка.

В стоявшем на полу тазу быстро скопилась желтовато-зеленая жидкость. С самого утра она еще ничего не ела, поэтому теперь из нее выходили лишь остатки желудочного сока с примесью желчи. Но даже когда ей казалось, что внутренности вот-вот вывернутся наизнанку, она никак не могла избавиться от того слабого, въедливого привкуса лекарства, что все еще стоял во рту.

Государственный наставник, Чу Усин...

Маленькая девочка, больше не способная выдавить из себя ни капли, медленно выпрямилась и вытерла рот платком. Вспоминалось, как этот проклятый наставник, заманив ее в малую залу, первым делом достал с чайного столика новый чайный сервиз, неспешно уселся и принялся заваривать какой-то неведомый чай.

— Военная стратегия, этикет, игра на цитре и шахматы, медицина и яды, управление государством и людьми... Ваше Высочество, помимо привычных канонов, истории, поэзии, верховой езды и боевых искусств, вам предстоит изучить и это.

Мужчина, чинно сидевший за столом, опустил веки, перебирая пальцами тончайший фарфор. Его движения при заваривании чая были плавными, текучими, почти заволаживающими, но Цзи Минчжао при взгляде на него охватил беспричинный ледяной ужас.

Чу Усин внушал ей совсем не то чувство, что исходило от ее отца-императора, чье давление было подавляющим и абсолютным. Страх перед этим человеком был иным: это был ужас перед неизвестностью, перед ощущением, что тебя видят насквозь, а ты даже не понимаешь, как именно.

— Военная стратегия... медицина и яды... Учитель, есть ли какая-то разница в их изучении? — Ребенок притворился растерянным, хлопая глазами, стараясь максимально уменьшить свое присутствие.

Чу Усин, не поднимая головы, налил полчашки прозрачного чая и достал из-за пазухи крошечный фарфоровый пузырек высотой в пару дюймов.

— Разницы нет, Ваше Высочество. Потому что рано или поздно вам придется изучить их все до единого.

— О? Вот как... Тогда зачем вы спрашиваете меня об этом сейчас? — Цзи Минчжао пришлось набраться смелости. Инстинктивная настороженность, возникшая в тот миг, когда наставник достал пузырек, достигла предела, но уйти она не смела — лишь вцепилась побелевшими пальцами в подол своего платья.

— О, я просто хотел узнать, к чему лежит ваша душа, — не задумываясь, ответил мужчина и откупорил флакон.

На глазах у ребенка он высыпал из него сине-бурую пилюлю размером с соевый боб. В воздухе разлился горький аптечный аромат. Слегка наклонив запястье, он уронил пилюлю в чашку, и та мгновенно растворилась в воде.

— Кстати, Ваше Высочество, будьте добры, выпейте это. — Чу Усин, медленно размешав снадобье, опустил взгляд и пододвинул чашку к девочке.

Цзи Минчжао больше не могла притворяться. Ее губы побледнели, а фальшивая улыбка стала совсем жалкой.

— У-учитель, что это за чудесное лекарство вы достали...

— Это яд, — отрезал Чу Усин. — После того как вы его примете, у вас будет тридцать лет, чтобы попытаться найти способ нейтрализовать его действие. Разумеется, если за эти тридцать лет вы не найдете противоядие, то по истечении полувека вы погрузитесь в вечный сон, подобно смерти. Поэтому у него есть красивое название: Опьянение тридцати весен. К тому же, приступы этого яда полностью контролируемы. Впрочем, вдаваться в подробности я не стану — вам достаточно знать, что когда он начинает действовать, боль становится невыносимой.

— Учитель... — девочка с трудом растянула губы, сжимая подол платья так, что ткань пошла складками, — вы так прямо говорите мне, что в чае яд, не боитесь, что я побоюсь его выпить?

— Не боюсь, Ваше Высочество, — ответил Чу Усин, даже не подняв ресниц. — Потому что такова воля Его Величества. К тому же, вам не стоит слишком беспокоиться об этом яде: его несложно изготовить, да и противоядие найти не так уж трудно. Я буду постепенно обучать вас методам создания этого яда, шаг за шагом... если ваши успехи в учебе будут меня удовлетворять. — Он снова пододвинул чашку ближе. — Когда вы освоите медицину и яды, вы сможете сами, шаг за шагом, синтезировать противоядие. Ну же, Ваше Высочество, прошу.

Он замолчал, ожидая ответа. Цзи Минчжао продолжала улыбаться, разыгрывая невинность:

— Учитель... я не понимаю, о чем вы.

— Ваше Высочество, нет нужды притворяться передо мной, — Чу Усин оставался невозмутим. — Если бы я действительно хотел вам навредить, я бы еще час назад доложил Его Величеству, что вы лишь притворились спящей. Я знаю, что вы давно проснулись, когда я вошел.

— Учитель... и правда, сама откровенность. — Ребенок перестал играть роль. Улыбка исчезла, она закрыла глаза и тяжело выдохнула. — Но у меня остался один вопрос, который не дает мне

покая.

Выражение лица мужчины не изменилось:

— Слушаю вас, Ваше Высочество.

— На чьей вы стороне? — Цзи Минчжао говорила прямо и жестко. — Или, вернее, зачем вы, получая приказы от моего отца, не стесняетесь говорить мне правду в лицо?

— Зачем? Как вы думаете, зачем я это делаю? — Чу Усин не спеша повторил ее вопрос и медленно поднял глаза.

Хотя ему уже перевалило за тридцать, на вид ему было не больше двадцати пяти. В его глазах, прозрачных, как глазурь, застыла мертвая вода — ни печали, ни радости.

— На самом деле, Ваше Высочество, вы ошибаетесь. — Его голос был ровным и холодным. — Я ни на чьей стороне. Я ничей человек. Все, что я делал в своей жизни до сих пор, было сделано лишь ради Небесного Предначертания. Я здесь лишь для того, чтобы восстановить справедливость Небесного Пути.

...Небесное Предначертание, опять это проклятое Небесное Предначертание! Да сколько же можно!

Вернувшись в реальность, ребенок с силой сжал край стола так, что на тыльной стороне ладони вздулись вены. Она стиснула зубы, чувствуя, как от напряжения ноют челюсти, и уставилась на таз, словно желая прожечь его взглядом.

Рано или поздно... она вырвет это Небесное Предначертание с корнем и скормит собакам!

Пока Цзи Минчжао давала себе безмолвную клятву, обдумывая следующий ход, за дверью послышался стук. Она обернулась и увидела девушку, которая была старше нее всего на пару лет. Та с осторожностью приоткрыла дверь, держа в руках медный таз. Увидев Цзи Минчжао, стоявшую у стола с неестественным румянцем на щеках, Цуй Линъюнь замерла:

— Ой, Ваше Высочество? Вы сегодня так рано встали?

<http://bllate.org/book/22451/2360114>